

АНАТОЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ЗАГНИТКО

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОГЛАСОВАНИЕ СТРУКТУРНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Abstract

The areas of the coordination within a sentence covering formal and semantic expressions have been exposed. The last apply to formal assimilation main forms of dependent words and semantic coordination as the basis of semantics of the main words in this case dependent form words aimed at mapping the internal capacity of the main word. It was found that the agreement extends within the predicative relation, where on the surface level determination the subject of personal forms of the verb-predicate observed sporadic realization of the coordination. The coordination also covers the self-semantic coordination, semantic compatibility and semantic deviation, mechanisms of valence in which dominating feature is semantic compatibility / incompatibility of components.

Key Words

Agreement; semantics; Ukrainian language; typology.

1. Современное толкование согласования в лингвистической литературе преимущественно ограничивается анализом его особенностей в пределах словосочетания (в иной терминологии – синтагмы) и квалификацией согласования как синтаксической субординативной формы присловной синтаксической связи (И.Р. Выхованец, Е.С. Скобликова, Н.Ю. Шведова и др.). Согласование является универсалией с национально-языковыми особенностями реализации. В общей типологии согласование дифференцируется на структурное (подтверждением является толкование согласовательного класса или как обобщенного наименования грамматических признаков, по которым согласуются зависимые слова с именами существительными и определение типов согласовательных классов (от двух до восьми в различных языках): рус. *мой сад, моя ладонь, мое озеро*), или как классифицирующей грамматической категории существительных (А.А. Зализняк) и семантическое (закономерности семантической линейности компонентов и проч.). Проблема семантического согласования с исследованием особенностей его реализации в синтаксических единицах рассмотрена на материале украинского языка с использованием данных других славянских языков.

Согласование охватывает разные синтаксические единицы: словосочетание, предложение (простое и сложное), сложное синтаксическое це-

лое и в своем объеме дифференцировано на структурное и семантическое (смысловое), каждое, в свою очередь, внутренне неоднородно. Структурная и семантическая разновидности согласования часто взаимодействуют, образуя структурно-семантическое / семантико-структурное согласование и др. В большинстве случаев согласование анализируют в общей системе синтаксических связей, что вполне оправдано (В.А. Белашапкина, В.В. Виноградов, И.Р. Выхованец и др.).

2. Теория синтаксических связей основывается на принципиальном разграничении подчинительной и сочинительной разновидностей, отличие между которыми заключается в подчиненности элементов в пределах первой и структурной автономности в рамках второй, ср.: укр. *новий день, темна ніч, чисте повітря, ловити рибу, малювати картину, відпочивати на узліссі, зустрітися біля школи; батько і мати, хліб і сіль, день і ніч, зошити і книги, учитися і працювати, весело і радісно*; рус. *новый день, темная ночь; отец и мать, хлеб и соль*; бел. *новы дзень, цёмная ноч, бацька і маці, хлеб і соль*. Особенностью подчинительной связи является субординативность компонентов, она реализуется в различных конфигурациях: 1) присловная зависимость, когда подчиненный элемент напрямую зависит от главного и реализует его интенции (укр. *красивий килим, металева ручка, синє море; відчувати радість, зустріти колегу, перевозити вантаж*; рус. *красивый ковер, металлическая ручка, синее море*; бел. *прыгожы дыван, металічная ручка, сіняе мора*); 2) зависимость от грамматической основы предложения (укр. *Хлопець не прийшов на консультацію → через хворобу; У селі ← хлопці зустрілися з ветераном; На майдані ← відбувався мітинг*; рус. *Парень не пришел на консультацию → из-за болезни*). Первый тип обычно квалифицируют как подчинительный присловный, а второй – как подчинительный детерминантный (И.Р. Выхованец, И.И. Слинько, Н.Ю. Шведова). Оба типа последовательно реализуются на уровне словосочетания и предложения.

2.1. Особенностью подчинительной присловной связи на уровне предложения является то, что в пределах простого предложения она реализуется в словосочетании, а на уровне сложного предложения подчиненная часть зависит от опорного слова главной части: укр. *Це осінь, друже, втомлена гонитва / за світом, що з тобою спалахне – / і тільки дим у небо, як молитва, / в якій уже ні слова про земне* (Л. Талалай); *Притихли сади і сквери, де сходяться пенсіонери під крони, що вже без пісні, на свої побачення пізні* (Л. Талалай); *Хотів би я знати, про що той струмочок у мріях своїх гомонить між травою?* (П. Тычина); *Я просто хочу, щоб до наступної ери з кожного сьогоднішнього злочину не виросло завтрашніх двісті* (Л. Костенко); рус. *Бабушка попросила, чтоб я купил лекарств*; болг. *Но важно е, че гласовете се дадоха тыкмо 247*. При кажущемся отсутствии согласования оно последовательно реализуется в соотношениях пропозиций, ср.: пропозиция *Я купил лекарств* обусловлена первой *Бабушка попросила*.

2.2. Анализ согласования должен охватывать также сложноподчиненные предложения, где особенно ярко проявляется своеобразие согласования

в пределах присловных сложноподчиненных предложений в двух разновидностях: 1) присловно-коррелятивных: укр. *Яким чоловік вродився, таким і згине* (И. Франко); *Найщасливіша та людина, яка дає щастя найбільшій кількості людей* (Д. Дидро) (антецедент семантически коррелирует с союзным словом – один из принципов согласования); рус. *И все же я всегда завидовал тем, которые вставали по горну* (С. Бар.); болг. *Техният живот продължи такъв, какъвто беше преди години...* (Ем. Станев); чеш. *Ten, kdo se bojí, nesmí do lesa*; 2) собственно-присловных: укр. *Сім'я – це дзерело, водами якого живиться повновода річка нашої держави* (В. Сухомлинский); *Зазирни у дзеркало – і побачиш людину, яку ти повинен зробити кращою* (А. Коваль); *Віддайте мені мову, якою мій народ мене благословив* (Л. Костенко); рус. *Людам, которые умеют держать себя достойно под выстрелом, многое, очень многое прощают* (И. Куприн); болг. *Видях неравната вълна, която премина между конете и ездачите* (Й. Йовков). В присловно-коррелятивных предложениях семантическое согласование охватывает значения субстанциональности (укр. *Той, хто вітав нас, був стомлений*), адъективности (укр. *Я його пам'ятаю таким, яким він уперше підійшов*), адвербиальности (укр. *Ми зустрілись там, де цвіли каштани*). В собственно-присловных предложениях согласование (в грамматических формах рода и числа) полноценно эксплицируется в регулярных моделях типа укр. *С, який (яка, яке, які; котрий, котра, котре, котрі)*, где союзные слова выступают в различных падежах, рус. *Школьник посадил дерево, которое ежедневно поливал*.

2.3. В пределах сложного предложения (а также текстовых структурах) одним из направлений согласования является конгруэнтность, представляющая согласование анафорического местоимения с антецедентом (именной группой) и обнаруживающаяся даже при отсутствии значимой синтаксической зависимости (число и род личного местоимения третьего лица предопределены его антецедентом): укр. *Дружина повідомила, що вона уже в дорозі* (А. Яна); *Неподалік росла ліщина, а біля неї розрісся глід; Жена сообщила, що она уже в дороге; Недалеко рос орешиник, а около него разросся боярышник*. Иногда конгруэнтность рассматривают отдельно (Я.Г. Тестелец), акцентируя на ее семиотичности и обязательности трех (в согласовании – два) величин: местоимение, антецедент и общий референт. Такой взгляд не совсем обоснован, потому что конгруэнтность является одной из реализаций согласования.

В рамках сложного предложения согласование распространяется также на союзные слова типа укр. *хто, який, яка, яке, які* (ср. подобные в других славянских языках), предполагающие сочетаемость с одушевленными существительными, а союзное слово *що* – на сочетаемость с неодушевленными существительными. Активное нарушение этих тенденций в синтаксисе XX – XXI вв. свидетельствует о видоизменении в самом синтаксическом строе украинского языка и расширении структурирующих потенциалов соединительных средств, последовательном нарушении семантического со-

гласования, ср.: *Чом не співа душа про сонце, квіти і про Дністер, що води каламутні аж з-під Карпат несе?* (М. Драй-Хмара); *Це була людина, яку знали і цінували усі в громаді* (Панас Мирный) и *Блаженний муж, що йде на суд неправих і там за правду голос свій підносить* (І. Франко); *Із голубого неба долітав повний жалю журавлиний трубний клич, який то гучнів, то завмирав, танучи в голубій безвісті* (Г. Тютюнник); *Я говорю устами мільйонів німих, пригноблених рабів, що утішителя не мають* (М. Драй-Хмара).

3. Достаточно регулярным является согласование в простом осложненном предложении: *Осяні місяцем, гори блищать, осріблені місяцем, сонни шумлять* (А. Олесь); *Лиш дуб мозучий, жолудьми багатий, спокійно в темну, зимну даль глядить* (І. Франко) (полупредикативные конструкции согласуются с опорным компонентом); рус. *Мартовская ночь, облачная и туманная, окутала землю*; болг. *Там седеше и друга селянка, непозната* (Ел. Пелин); бел. *Лісіці бэзу, густа накрытыя расою, здаваліся шэрымі* (У. Караткевич). К согласовательным потенциалам в сложноподчиненном предложении принадлежит соотношение antecedентов с симметричными союзными словами типа укр. *там, де; тут, де; той, який; та, яка; те, яке; той, який; така, яка; таке, яке; стільки, скільки*; рус. *там, где; здесь, где*; болг. *там, където; тук, където*; чеш. *tak, jak; tolik, kolik; potud, pokud; tam, kde; čim, tim*.

4. Согласование можно понимать узко и широко. Первое толкование охватывает только рамки словосочетания, где оно реализуется как: 1) **собственно синтаксическое** (формальное (Е.С. Скобликова)): укр. *новий стіл, чиста вода, холодне літо*; рус. *интересный рассказ, увлекательная повесть, новое приключение*; болг. *нов живот, пробна машина, родно село* и проч. (зависимый компонент согласуется с главным в имеющихся формах рода, числа, падежа); 2) **смысловое**: укр. *круглий сирота – кругла сирота, сільський листоноша – сільська листоноша* (зависимый компонент согласуется с главным по смыслу); рус. *круглый сирота – круглая сирота, сельский почтальон – сельская почтальон*; бел. *круглы сірата – круглая сірата, сельскі паіштальён – сельская паіштальён*; 3) **ассоциативное**: укр. *головна авеню; свіжий ркацителі (виноград) – свіже «Ркацителі» (вино), запальний шимі (танець)* (зависимый компонент согласуется с родовым понятием, имплицитно подразумеваемым в модели: *вулиця, виноград, вино, танець*), рус. *главная авеню, свежий ркацителі – свежее ркацителі, зажигательный шимми*; бел. *галоўная авеню, свежы ркацителі – свежае ркацителі, палымяны шымі*; 4) **условно-грамматическое**, наблюдающееся в позиционной транспозиции типа: укр. *голосне «Ура!»*; рус. *громкое «Ура!»*, бел. *гучнае «Ура!»*.

Широкое понимание согласования охватывает и рамки словосочетания, и рамки простого предложения (обособленные члены предложения и проч.), и рамки сложного предложения (нерасчленённые присловно-коррелятивные и собственно-присловные сложноподчинённые предложения), и рамки текста (средства реализации категории когезии и т.д.).

4.1. Толкование согласования в современной лингвистике в основном ограничивается рассмотрением его особенностей внутри словосочетания (И.Р. Выхованец, Е.С. Скобликова, Н.Ю. Шведова и др.), изредка распространяется анализ согласования на сложноподчиненные предложения, хотя теория согласования должна быть достаточно объемной, характеризующейся собственной спецификой среди различных синтаксических единиц: словосочетание (зависимая присловная субординативная синтаксическая связь), простое предложение (закономерности семантического согласования со взаимодействием с формальным, пропозитивным), сложное предложение (сочетаемость предикативных частей). К согласованию приближается целый ряд подобных явлений, которые следует четко отделять в силу их структурных и смысловых особенностей.

Подчинительная присловная синтаксическая связь на уровне словосочетания характеризуется несколькими синтаксическими формами реализации: согласование, управление, примыкание, в каждой из которых имеется свой уровень реализации согласования. В данном случае согласования не как типа синтаксической связи, а как общей закономерности сочетаемости языковых единиц: укр. *зелений гай* (согласование по форме); *різати хліб ножем* (согласование в семах: *різати* → действуя чем-либо острым (*ножем*), разделять что-то (*хліб*)); *побачити ліворуч* (согласование как сочетаемость: воспринимать зрением что-то в пространстве). Наряду с этими тремя синтаксическими формами некоторые лингвисты выделяют также корреляцию (Е.В. Кротевич), особенность которой заключается в сочетании двух слов той же самой частеречной семантики (наименование того же денотата (за (Petr 1987, 423)): укр. *дівчина-агроном, льотчик-космонавт, народ-творець, дуб-красень, звіробій-трава*; рус. *девушка-агроном, летчик-космонавт, народ-созидатель*; бел. *дзяўчына-аграном, лётчык-касманавт, народ-стваральнік*. Корреляция – это всегда сближение или противопоставление языковых единиц по определенным свойствам. В пределах словосочетания корреляция охватывает и противопоставление, и сближение одновременно. Сближение отслеживается в наличии тождественного денотата, отталкивание – это отличие смыслового потенциала главного и зависимого слов.

В традиционной грамматике такие формы словосочетаний причисляют к согласованию (О.Б. Сиротина, Е.С. Скобликова), ср. укр. *гори-велетні, воїн-герой, завод-велетень, льотчик-герой, студентка-відмінниця, дівчина-красуня*; рус. *горы-великаны, воин-герой, завод-гигант*; бел. *горы-волаты, воїн-герой, завод-гігант*, либо же рассматривают как примыкание, когда зависимый компонент сохраняет свою исходную форму: рус. *поехал на озеро Байкал; подъехали к станции Грачи* (В.А. Белошапкова). Иногда говорят о сочиненности таких образований (ср. взгляды Л.А. Булаховского, Б.Н. Кулика, А.С. Мельничука, Е.В. Кротевича, Е.С. Скобликовой, М.Г. Ханина, В.И. Фурашова). Такой подход требует своего развития потому, что он обоснован на относительном противоречии: с одной стороны, в пределах словосочетания указанные образования квалифицируются как сочиненные,

с другой стороны, на уровне предложения их рассматривают в качестве единиц с неравноправными компонентами. Поскольку последний критерий является определяющим, то нет никаких сомнений в том, чтоб отнести такие сочетания к подчинительным.

Актуальным также является определение формы присловной синтаксической связи между компонентами таких образований. Отнесение связи в их структуре к согласованию является мало убедительным еще и потому, что «не только формы рода и числа, но и формы падежа существительного в приложении ... обнаруживают самостоятельность значений, несовместимых с представлением о согласовании» (Скобликова 1971, 225). Особенности связи между главным и зависимым компонентом в такого типа словосочетаниях позволили некоторым лингвистам говорить: 1) о параллельном управлении (М. Ханин); 2) о согласовании как «начале параллелизма» (Русская 1980, 398). Главным критерием при этом считается наличие общей падежной формы обоих компонентов, их параллельное изменение и обоюдная зависимость от того же подчиняющего слова: укр. *Я славию спортсменів-олімпійців*; рус. *Я славию спортсменов-олимпийцев*; бел. *Я слаўлю спартсменаў-алімпійцаў*. Грамматический аспект согласования в данном случае видится в словоизменении, когда оба существительных приобретают однотипные падежные значения, отличие от согласования – это номинативный потенциал каждого составляющего. Специфика связи в словосочетаниях типа укр. *звіробій-трава, жінка-інженер, дівчина-лаборант, барви-промінці*; рус. *звербой-трава, женщина-инженер*; бел. *святаяннік-трава, жанчына-інжынер* заключается в том, что истолковываемая отдельными исследователями сочиненность (И.И. Слинько, Н.В. Гуйванюк, М.Ф. Кобылянская и др.) между двумя компонентами, может рассматриваться только в отдельных грамматических формах, а на лексико-семантическом уровне четко прослеживается субординативность, реализуемая и на формально-грамматическом уровне – при изменении одного слова изменяется форма / формы и другого. В данном случае нельзя говорить о согласовании еще и потому, что каждое существительное характеризуется собственными формами и они реализуются главным и зависимым компонентами самостоятельно. Поэтому в данном случае правильно говорить о корреляции, суть которой заключается в дублировании форм одного слова другим (флексий главного слова зависимым) (ср.: (Кротевич 1956) и (Petr 1987), где представлены различные точки зрения на коррелятивность в синтагме).

В лингвистике устоялся взгляд на реализацию между компонентами таких словосочетаний **аппозитивных** отношений (И.П. Распопов, О.Б. Сиротинина). Вместе с тем и сегодня актуальные подходы А.А. Потебни, А.А. Шахматова, рассматривающими отношения между словами в указанных словосочетаниях как приближающиеся к предикативным. Такое утверждение является вполне оправданным, особенно при учете их происхождения (приложение происходит из подчинительной предикативной ча-

сти, ср.: укр. *дуб-велетень* ← *дуб, що був велетнем (велетень)*). Но современный статус таких образований свидетельствует об аппозитивности отношений между главным и зависимым компонентами, при которых пре- и постпозитивный компоненты семантически накладываются друг на друга, вследствие чего происходит не только номинация, но и квалификация (и главный, и зависимый компоненты называют, но номинативный статус последнего вторичен, потому что номинативная функция уже осуществлена, вследствие чего он квалифицирует). Анализируемые словосочетания все в большей степени приобретают признаки воспроизводимости, а часть из них пополняет классы переходных моделей между синтаксическими образованиями и сложными словами: укр. *вітер-суховій, громадянин Сидоренко, крісло-диван, красуня-донька*; рус. *ветер-сухоей, гражданин Сидоренко*; бел. *вецер-сухавей, грамадзянін Сідарэнка*. Особенностью аппозитивных отношений следует считать то, что они реализуются только в результате большей регулярности постпозиции зависимого компонента. Их семантическое взаимодействие осуществляется вследствие аппликации, т. е. осуществляется аппликативное проявление семантики главного и зависимого компонентов, где зависимый компонент конкретизирует семантику главного, накладывает на ее смысловую достаточность дополнительные штрихи, касающиеся определенных: 1) качеств и свойств (*дівчина-красуня*; рус. *девушка-красавица*; бел. *дзяўчына-прыгажуня*), 2) функциональных признаков (укр. *хлопець-книгоноша*; рус. *парень-книгоноша*; бел. *хлопець-книгоноша*), 3) видовых признаков (укр. *дерево дуб*; рус. *дерево дуб*; бел. *дрэва дуб*), 4) географических названий (укр. *місто Київ, село Новоукраїнка, станція Лозова*; рус. *город Киев*; бел. *горад Кіеў*), 5) условных наименований (укр. *газета «Сільські вісті», журнал «Українська мова»*; рус. *газета «Сельские вести»*; бел. *газета «Сельскія весці»*) и т. д.

Под корреляцией часто понимают формальное и семантическое соотношение антецедента и союзного слова в сложном предложении, ср.: укр. *такий, який*; рус. *такой, какой*; бел. *такі, які*; чеш. *čít, tím* (Petř 1987, 450). Это вполне вписывается в общую модель корреляции с ее формально-смысловым отношением. В тоже время в словосочетании и в сложном предложении корреляция является разной. В первом она реализуется в формах одноименных морфологических категорий (род, число, падеж), при этом главное слово называет предмет, а зависимое квалифицирует / характеризует его. Таким образом происходит аппликация: зависимое слово накладывается на главное, уточняя его смысл. В сложном предложении корреляция отражает содержательную симметричность в ее субстанциональности (укр. *той, хто*), атрибутивности (укр. *такий, який; так, як*), адвербиальности (*там, де*), а формальная коррелятивность в субстанциональной, атрибутивной семантике выступает нерегулярной: укр. *той, для кого; той, у кого; такі, про яких*; рус. *тот, для кого; тот, у кого; такие, о которых*. В данном случае не представляется возможным говорить о взаимодействии одноименных грамматических категорий: она весьма ограничена.

4.2. Из всех форм подчинительной присловной синтаксической связи выделяется согласование как наиболее грамматикализированный способ сочетания слов, при котором семантика главного и зависимого компонентов обычно не влияют на специфику «дублирования» форм главного слова зависимым, ср.: укр. *новий товариш, цікава повість, прозоре вікно*; рус. *новый товарищ, интересная повесть, прозрачное окно*; бел. *новы тавариш, цікавая аповесць, празрыстае акно*; болг. *нов приятел, интересна история, прозрачен прозорец*.

4.2.1. Согласование как форма присловной синтаксической связи и как закономерность построения синтаксических единиц характеризуется двумя измерениями – формальным и смысловым. При первом возникает квалификация согласования как одной из форм подчинительной присловной синтаксической связи, особенностью которой является подчинение форм зависимого слова формам главного: укр. *зелений ліс, зелена трава, зелене жито, зелені отави*; рус. *зеленый лес, зеленая трава*; бел. *зялёны лес, зялёная трава*; болг. *зелена гора, зелена трева*. Формально-грамматический подход требует последовательного учета семантического (смыслового) согласования, особенностей его выражения, что позволяет дифференцировать собственно-грамматическое, смысловое, ассоциативное, условно-грамматическое согласование. Собственно формальное согласование всегда ориентировано на полную грамматикализацию взаимодействия главного и зависимого слов, при котором зависимое слово повторяет все возможные формы стержневого, ср.: укр. *новий костюм, дерев'яна парта, гарне плаття*; рус. *новый костюм, деревянная парта, красивое платье*; бел. *нов костюм, драўляная парта, красивое плацце*; болг. *нов костюм, дървене бюро, красива рокля*.

В диапазоне собственно-грамматического согласования особый статус принадлежит словосочетаниям типа укр. *п'ятьом хлопцям, шістьма дівчатами, дев'ятьма стільцями*; рус. *пяти ребятам, шестью девушками, девятью стульями*; бел. *пяці дзецям, шасцю дзяўчатамі, дзевяціцю крэсламі* с неполным согласованием, что мотивировано отсутствием грамматического значения рода в числительных. Указанное согласование реализуемо только в косвенных падежах, то есть в вариативных реализациях словосочетаний, но для именительного падежа (исходной формы) оно выступает парадигматически лакунарным, где реализуется управление: главное слово (числительное или другая лексема со значением числа) требует соответствующей падежной формы от зависимого: укр. *п'ять хлопців, шість дівчат, дев'ять стільців*; рус. *пять парней, шесть девушек, девять стульев*; бел. *пяць хлопцаў, шэсць дзяўчат, дзевяць крэслаў*. Наличие различных форм подчинительной присловной синтаксической связи в пределах парадигмы одного и того же словосочетания свидетельствует об особом статусе их парадигм. Парадоксальным является чередование (не изменение) форм синтаксической связи в их парадигмах. В этом случае следует говорить об **интеграции** как особом объединении двух и более форм подчинительной присловной синтаксической связи. В данном случае важной является реализация соответствующей падежной формы за-

висимого элемента в исходной форме (свойство управления) и согласование форм зависимого слова с главным во всех остальных компонентах парадигмы (основной признак согласования): укр. *п'ять хлопців, п'ятьох хлопців, п'ятьом хлопцям, п'ятьох хлопців, п'ятьма хлопцями, (на) п'ятьох хлопцях*; рус. *пять ребят, пяти ребят, пяти ребятам, пятерых ребят, пятью ребятами, (на) пяти ребятах*; бел. *пяць хлопцаў, пяцёрых хлопцаў, пяці хлопцам, пяцёрых хлопцаў, пяцію хлопцамі, (на) пяці хлопцах*.

4.2.2. Смысловое (семантическое) согласование как разновидность при словной синтаксической связи внутри словосочетания обусловлено расхождением в формальной «согласованности» зависимым словом форм главного, ср.: укр. *круглий сирота / кругла сирота, сільський листоноша / сільська листоноша, великий трудяга / велика трудяга*; рус. *круглый сирота / круглая сирота*; бел. *круглы сірата / круглая сірата*. Указанная разновидность согласования является менее регулярной, чем предыдущая, и распространяется на словосочетания с главным словом – существительным с омонимией форм рода (укр. *базіка, бідолаха, нікчема, плакса, сирота, листоноша, бабисько, свекрушище, вітрисько*), а также с существительными – наименованиями профессий с функционально возможными формами мужского и женского рода: укр. *новий офтальмолог – нова офтальмолог* и проч. Сила смыслового согласования предопределена значимостью семантики пола в мотивации морфологического рода имен существительных.

4.2.3. Ассоциативное согласование основывается на подчинении форм зависимого слова грамматическим формам родового слова, которое ассоциативно предсказуемо, но реально имплицировано, ср.: укр. *красиве Тбілісі (місто), вечірня «Нью-Йорк-Таймс» (газета), англійська торі (партія), свіжа кольрабі (капустя), красива ебосі (шапочка), смачний олександропулі (виноград), темпераментний шимі (танець)*; рус. *красивый Тбилиси (город), вечерняя «Нью-Йорк-Таймс» (газета), английская торы (партия)*; бел. *прыгожы Тбілісі (горад), вячэрняя «Нью-Ёрк-Таймс» (газета), ангельская торы (партыя)*; болг. *красива Тбилиси (град), вечерен «Ню Йорк Таймс» (вестник), британски торы (партия)*. В современном украинском языке, например, указанная модель согласования охватывает более пяти тысяч конструкций (ср. в чем-то похожую картину в русском, белорусском языках). Активизация модели мотивирована постоянным увеличением количественного состава так называемых несклоняемых существительных.

4.2.4. Условно-грамматическое согласование является, прежде всего, позиционным потому, что оно реализуемо только в том случае, когда служебное или другое слово занимает синтаксическую позицию подлежащего или дополнения (т.е. происходит первый этап формально-грамматической субстантивации), ср.: укр. *Тужливе журавлине «кру-кру» лине з висоти*; рус. *Тоскливое журавлиное «кру-кру» несется с высоты*; бел. *Тужлівае жураўлінае «кру-кру» ляціць з вышыні*.

4.3. К согласованию часто относят (В.А. Белашапкова, А.С. Мельничук) сочетание подлежащего со сказуемым, статус которых особый в структу-

ре предложения: они являются основными носителями определяющих для предложения категорий предикативности и модальности. Подлежащее и сказуемое квалифицируют как особый тип подчинительных словосочетаний, подразделяя весь состав подчинительных словосочетаний на предикативные (укр. *пташки співають, поле зазеленіло*), и неpredикативные (укр. *снів пташок, зелене поле*) (Кочерган 2001, 309). Это не совсем корректно потому, что принципиальным является различие между подчиненными словосочетаниями и предикативными образованиями. Для первых важным является полноценное проявление субординативности, при которой одно из слов определяет направление зависимости другого (укр. *вивчати* → *мову, говорити* → *правду, білий* ← *сніг, навчальний* ← *посібник*; рус. *изучать* → *язык*; бел. *вывучаць* → *мову*). При предикативной связи прослеживается взаимоподчинение форм двух компонентов – подлежащего и сказуемого. Мысль же о том, что координация – это взаимная соподчиненность подлежащего и сказуемого (особый тип связи, не являющийся ни сочинительным, ни подчинительным) с активным участием их взаимной согласованности (Кочерган 2001, 311), должна быть уточнена (ср. несколько иное понимание координации в узком и широком аспектах (Petr 1987, 391–402). Взаимосогласованность форм подлежащего и сказуемого реализуется на двух уровнях – формально-грамматическом и семантико-синтаксическом. На формально-грамматическом она представлена детерминативной ролью подлежащего относительно форм лица сказуемого (речь идет об основной форме сказуемого славянских языков – склоняемой форме глагола, поскольку, по словам А.А. Потебни, предложений без *Verbum finitum* в славянских языках не существуют), а сказуемое, в свою очередь, определяет форму падежа подлежащего (формально-грамматическое взаимное согласование). Благодаря этому происходит активная транспозиция других форм в позицию подлежащего, в которой транспонированная форма приобретает формально-грамматическую предметность (наиболее активной является категория падежа, а сопровождающими выступают категории рода (средний род) и числа). Последняя оформляется грамматическим значением именительного падежа: укр. *А – перша літера українського алфавіту; Минуло півроку* (Т. Шевченко); *«І вражою злою кров'ю волю окропіте» – з дитинства знайомі слова* (О. Гончар); *Оте його «пу-гу» серед темної весняної ночі миліше мені від пісні солов'їної* (В. Гжицкий); *Мислити і творити, творити і мислити – це для письменника його фах, його повсякденність* (О. Гончар); *Гарно – це слово завжди приємне для мене; На – первинний прийменник української мови*; рус. *А – первая буква русского алфавита*; бел. *А – першая літара беларускага алфавіту*.

На семантико-синтаксическом уровне взаимодействие главных членов предложения отслеживается в семантической избирательности (предопределенности) заполнения синтаксической позиции подлежащего, определяемой семантикой сказуемого, ср.: укр. *Соловейко* (кто?) ← *тьохкає* (*тьохкати* может только *соловейко*); рус. *Собака* (кто?) ← *лает* (*лаять* может только *собака*).

Различными выступают и смысловые отношения в пределах согласования как формы присловной синтаксической связи и предикативной связи. При первом инвариантным видом смысловых отношений между главным и зависимым словами являются атрибутивные: укр. *художній* ← (какой?) *твір*; *намальований* ← (какой?) *портрет*; *осіннє* ← (какое?) *небо*; *найближче* ← (какое?) *село*; *очищене* ← (какое?) *насіння*; *переоране* ← (какое?) *поле*; *прочитане* ← (какое?) *оповідання*; *українські* ← (какие?) *казки*; *перші* ← (какие?) *успіхи*; *моя* ← (чья?) *книжка*; *третья* ← (какая?) *квартира*; *приємна* ← (какая?) *розмова*; *зелена* ← (какая?) *трава*; *наша* ← (чья?) *школа*; *заболочена* ← (какая?) *місцевість*; рус. *художественное* ← (какое?) *произведение*; *нарисованный* ← (какой?) *портрет*; *осеннее* ← (какое?) *небо*; *ближайшее* ← (какое?) *село*; бел. *мастацкі* ← (які?) *твор*; *намаляваны* ← (які?) *партрэт*; *восеньскае* ← (якое?) *неба*; *бліжэйшы* ← (якое?) *сяло*. Предикативная же связь базируется на координации форм двух главных членов предложения и коррелирует с предикативными отношениями, отражающими отношения между субъектом и предикатом суждения. Основным средством реализации согласования являются морфологические формы рода, числа и падежа с тождественным набором грамматических (морфологических) категорий у главного и зависимого компонентов, а предикативной связи – формы падежа существительного и личностно-родовых форм глагола: укр. *Біла симфонія снігу пливла над щоглами лісу* (Л. Костенко); *Я вас благодаю вислухат* мене (Леся Украинка); *Урочисто пливе місяць в голубуватому мармурі хмар* (О. Гончар); *Мені поля задумливо шептали свої ніким не співані пісні* (В. Симоненко); рус. *Белая вишня роняет цвет*; бел. *Белая вішня губляе кветкі*.

5. Закономерности семантического согласования в пределах простого предложения разрабатываются в лингвистике в качестве теории лексических солидарностей (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Э. Косериу, Л. Теньер, Н. Хомский), которая в дальнейшем получила окончательный анализ как закон семантического согласования (Всеволодова 2000, 358–359). Сущность данного закона можно сформулировать, как повторение в любом высказывании определенных сем минимум дважды: укр. *І в тиші урочистій я бачу шлях у даліні імлістій* (М. Вороний). В этом высказывании сема единственного субъекта повторяется дважды (в «я» и в форме глагола «бачу»), ср. рус. *Я вас любил: любовь ещё, быть может, В душе моей угасла не совсем* (А. Пушкин); бел. *Я вас кахаў: каханне засталося ў душы маёй, загасла не зусім* (А. Пушкин); а в высказывании укр. *І не встануть з праведними злії з домовини* (Т. Шевченко) семантическое согласование реализуется по семе множественности (форма множественного числа субъектов «злії») и личная форма глагола «встануть») и семы исходного направления движения (лексема *встануть* в своем значении содержит такую сему и форму родительного падежа с предлогом «з могилы», также характеризуется семантикой исходного пункта движения).

5.1. Закон семантического согласования в рамках предложения обнаруживается в нескольких возможных реализациях: 1) собственно семантическое

согласование, 2) семантическая совместимость, 3) семантическое рассогласование; 4) позиционное и 5) функциональное согласование (ср.: Всеволодова 2000, 359). **Первое** реализуется в том случае, когда определенная форма характеризуется широким спектром сочетаемости и часто выступает как постпредложенческая синтаксема, выражающая отдельную пропозицию, ср.: укр. *Влітку; На березі; За горами; В саду; Позавчора*; рус. *Летом, На березе*; бел. *Улетку, На бярозе*. Подтверждение этому легко найти при сопоставлении несколько высказываний с подобными формами: (1) *Осенью я отдыхал в деревне*; (2) *Осенью я нарисовал картину*; (3) *Осенью бабушка приехала*, где форма *осенью* индифферентна к общему смысловому фону предложения. Если сопоставить высказывания, где позицию темпоральной локализации будут занимать терминатив *за осень* или дименсив *всю осень*, то легко заметить, что последняя конструкция с ними невозможна. В данном случае прослеживается сугубо **семантическое согласование** глагола и синтаксемы.

Семантическое рассогласование легко обнаруживается в том случае, когда в высказывании реализуется один из двух взаимообусловленных компонентов-локативов типа укр. *летіти з півдня на північ, везти з міста до села*, особенно в том случае, когда обязательным является один из компонентов, а другой – факультативный, ср.: укр. *Потяг виїхав з Києва* и **Потяг направлявся з Донецька* и др.

Позиционное согласование непосредственно соотносено с линейностью предложения: укр. *Тихе «ні!» стало повною несподіванкою* (позиция подлежащего обуславливает формально-грамматическую предметность и «активную» силу структурного согласования); бел. *Гэтае «каб» началося з прыходам да нас у гараж на работу новага, маладога яшчэ майстра* (П. Кавалев), а **функциональное** согласование коррелирует с реализуемой той или иной словоформой функцией: укр. *Мені подарували книгу, і з фізики* (актуализированный компонент *і з фізики* функционально согласуется с *книгой*, потому что *эта книга з фізики*, ср. ненормативное **фізична книга*).

5.2. Одним из аспектов реализации собственно семантического согласования является реализация валентности во внутрипредложенческой структуре, где основным носителем активной валентности выступает глагольный предикат. Такое толкование основывается на том, что сочетаемость лексем и заполнения валентных гнезд возможно только при условии семантического согласования, т. е. соответствия семантики аргумента одной из сем носителя активной валентности: укр. *Ворона ← каркас; Собака ← гавкає; Людина ← бачить*; рус. *Ворона ← каркает*; бел. *Нехта (зноў) ← грукнуў у дзверы* (В. Адамчик). Валентность принадлежит к семантико-синтаксическому уровню, поскольку слово активной валентности предполагает не только наличие определенных сем у зависимых компонентов, но и их соответствующих грамматических форм (в этом прослеживается ее интенциональность) как репрезентантов определенных синтаксических позиций. На этих теоретических принципах следует разграничивать: 1) **лексическую**,

2) **грамматическую** и 3) **лексико-грамматическую** валентность, коррелирующие с общими принципами семантического согласования.

5.2.1. Лексическая валентность – это свойство слов как лексико-семантических вариантов описывать ситуацию. Поэтому «Слово имеет столько валентностей, сколько участников ситуации необходимо вспомнить, чтобы истолковать его исчерпывающим и неизбыточным способом» (Богуславский 1980, 360), ср. укр. кого? ← *лікувати* → чем? или *паперовий* ← (какой?) *змії* (артефакты требуют в ряде случаев наличия фабрикатива – исходного материала, из чего они изготовлены). Лексическая валентность реализует одну из закономерностей семантического согласования – лексическую.

5.2.2. Грамматическая (интенциональность) же **валентность** соотносится с формально-грамматическим уровнем, где согласование коррелирует с дублированием форм главного слова зависимым, а при управлении возможен мотивированный и немотивированный выбор падежной формы: укр. *розповідати казку дітям* и *розповідати казку для дітей*; переходного глагола с ближайшим сильноуправляемым винительным: укр. *вишивати рушник*.

5.2.3. Лексико-грамматическая валентность – это свойство формы слова открывать позиции для контекст-партнеров соответствующей семантики (ср.: (Всеволодова 2000, 365)), что обнаруживается в семантическом согласовании форм прошедшего, давнопрошедшего времени со словоформами типа укр. *давно, нещодавно, вчора, позавчора*, а форм будущего времени – со словоформами типа укр. *завтра, у майбутньому, незабаром*. Все это основывается на облигаторности согласования, что выражается на разных ярусах: формально-грамматическом, лексическом и лексико-грамматическом.

6. Внутрипредложенческое согласование охватывает формальные и семантические проявления, распространяющиеся на формальное уподобление форм зависимого слова главному и на смысловое согласование, когда за основу принимается семантика главного слова, и в этом случае формы зависимого слова направлены на отражение внутреннего потенциала главного слова. В то же время согласование распространяется и на плоскость предикативной связи, где на поверхностном уровне детерминации подлежащим личных форм глагола-сказуемого наблюдается спорадическая реализация согласования. Во внутрипредложенческом пространстве согласование охватывает также собственно-семантическое согласование, семантическую совместимость и семантическое рассогласование, механизмы валентности, при которой доминирующим признаком является семантическая совместимость / несовместимость компонентов. Перспективным представляется рассмотрение особенностей дублирования сем в контактных и дистантных позициях, анализ нагрузки семантического согласования в особенностях актуального членения предложения и текста.

Семантическое согласование является универсалией, реализующейся в каждом языке соответствующими средствами. Семантическое согласование обнаруживается в структуре всех синтаксических единиц, где легко

наблюдать его экспликацию / импликацию, различные уровни соотношения с формальными закономерностями согласования.

ЛИТЕРАТУРА

- БОГУСЛАВСКИЙ, И. М. 1980. *О понятии сферы действия предикатных слов*. Известия АН СССР, Сер. лит. и яз. Т. 39. № 4, 359–368.
- ВИХОВАНЕЦЬ, І. Р. 1993. *Граматика української мови. Синтаксис*. Київ, «Либідь».
- ВСЕВОЛОДОВА, М. В. 2000. *Теорія функціонально-комунікативного синтаксиса: Фрагмент прикладної (педагогічної) моделі мови: Учебник*. Москва, Изд-во Московского ун-та.
- ГАВРИЛОВА, Г. Ф. 1985. *О согласовании обстоятельственных детерминантов с семантикой глагола*. В: Исследования по семантике: Семантические аспекты синтаксиса, Уфа, Изд-во Башкирск. ун-та, 116–122.
- ЗАГНИТКО, А. П. 2001. *Теоретична граматика української мови. Синтаксис*. Донецьк, Вид-во Донецького національного університету.
- КЛЮЧКОВСЬКИЙ, Б. Г. 1955. *Прикладка та її лексико-граматична роль*. Укр. мова в шк., 6, 8–11.
- КОЧЕРГАН, М. П. 2001. *Вступ до мовознавства*. Київ.
- КРОТЕВИЧ, С. В. 1956. *Синтаксические отношения между членами предложения*. Вопросы русского языкознания. Львов, Изд-во Львовского ун-та, Кн. 2, 9–16.
- ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ, Д. Н. 1912. *Руководство к изучению синтаксиса русского языка*. Москва.
- ПОПОВ, А. С. 1974. *Подлежащее и сказуемое в структуре простого предложения современного русского литературного языка*. Пермь, Изд-во Перм. ун-та.
- ПОСПЕЛОВ, Н. С. 1955. *Соотношение между грамматическими категориями и частями речи*. Вопросы грамматического строя. Москва, «Соцэкгиз», 71–80.
- РАСПОПОВ, И. П. 1976. *Словосочетание и предложение (полемические заметки)*. Вопросы русского языкознания: Синтаксис и стилистика. Куйбышев, Изд-во Саратов. ун-та, 135–144.
- РОГОЗІН, Л. Л. 1954. *Невідокремлені прикладки в структурі складного слова*. Укр. мова в шк., 5, 15–18.
- СКОБЛИКОВА, Е. С. 1990. *Очерки по теории словосочетания и предложения*. Куйбышев, Изд-во Саратовского ун-та.
- СЛИНЬКО, І. І., ГУЙВАНЮК, Н. В., КОБИЛЯНСЬКА, М. Ф. 1994. *Синтаксис сучасної української мови. Проблемні питання*. Київ, «Вища школа».
- СТЕХИН, Ю. К. 1962. *Из истории глагольного управления в русском языке*: Автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 21.
- СУХАНОВА, З. Я. 1963. *К вопросу о влиянии семантических связей на построение словосочетаний (субстантивные словосочетания с предлогом к и дательным падежом, образуемые существительными со значением чувства)*. Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской, Т. 138, Вып. 8. В: Труды кафедры русского языка. Москва, 130–142.
- ФУРАШОВ, В. И. 1984. *Несогласованные определения в современном русском языке*. Москва, «Наука».
- ШАПИРО, М. А. 1950. *О типах подчинительной связи внутри словосочетания*. Русский язык в шк., 2, 21–25.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) 1970. *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва, «Наука».
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) 1980. *Русская грамматика*. Москва, «Наука», Т. II.
- PETR, J. (red.) 1987. *Mluvnice češtiny : [3] : Skladba*. Praha, «Academia».